

С. Н. Темушев

НАЛОГОВО-ДАННИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА: СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Важным признаком государственности является наличие системы распределения ресурсов, механизма изъятия прибавочного продукта у непосредственного производителя. Налогово-данническая система Древнерусского государства генетически восходит к институтам как внешнего, так и внутреннего происхождения, конкретнее, к добровольным приношениям или дарам членов племенного сообщества вождю, выполнявшему общественно значимые функции, и дани, выплачиваемой покоренным племенем более сильному соседу в качестве гарантии от нападения. Термин «дань» со временем стал обозначать регулярно взимаемый налог [16, с. 57]. Добровольный дар племенным князьям и их дружинам стал еще одним составным элементом налогово-даннической системы Древнерусского государства, на который также мог распространяться термин «дань». В целом на всей территории формирующегося и развивающегося государства восточных славян с конца IX в. вплоть до XV—XVI вв. понятие «дань» являлось обобщающим названием натуральных, денежных или денежно-натуральных податей [17, с. 192].

Проблема даннических отношений и формирование налоговой системы восточных славян, так или иначе, затрагивалась всеми исследователями, касавшимися вопросов формирования и развития Древнерусского государства. Историография XVIII — начала XIX в. немного дала в осмыслении интересующей нас проблемы. Были сделаны лишь первые шаги в интерпретации летописных известий. Попытка определить значение термина «дань» обнаруживается у Н. М. Карамзина. «Ходить в дань, — писал историк, — значило тогда объезжать Россию и собирать налоги» [5, с. 117]. В историографии XIX — начала XX в. сложилось несколько мнений о сущности дани. Дань понималась либо как подати, уплачиваемые зависимыми людьми своим господам и хозяевам — князьям и дружинникам, порабоцавшим этих людей и лишившим их собственности на землю силой оружия, либо как налог, который получали князья на правах суверенов и правителей. Была сделана попытка объяснить происхождение дани. Ее возникновение обуславливалось войнами, вследствие которых побежденные племена платили контрибуции, затем превращавшиеся в государственный налог. Некоторые историки XIX в. буквально понимали дань на протяжении всей древнерусской истории как плату за мир или откуп от военных вторжений побежденных народов или племен [22, с. 134—147].

Советскими учеными в изучении проблемы даннических отношений было внесено принципиально новое положение — о связи дани с феодальной рентой. Специальную статью, посвященную эволюции дани в феодальную ренту, написал С. В. Юшков [27]. Отсутствие убедительной фактологической основы в работе советского иссле-

---

Темушев Степан Николаевич — доцент кафедры истории России БГУ, кандидат исторических наук

дователя вызвало серьезную критику его теории со стороны А. Н. Насонова, настаивавшего на том, что «дань остается особой разновидностью феодальной эксплуатации», лишь частично переходившая в феодальную ренту [10, с. 19—20]. То, что дань была формой феодальной эксплуатации, активно отстаивали украинские археологи В. И. Довженок и М. Ю. Брайчевский, нашедшие поддержку в официальной науке. В своей совместной работе исследователи писали: «Дань не могла возникнуть в результате завоеваний; она могла означать только повинность земледельческого населения феодалу за пользование землей, которая юридически была его собственностью» [3, с. 64]. Общий вывод украинских ученых был поддержан ведущими исследователями Древней Руси Л. В. Черепниным и В. Т. Пашуто.

По мнению Л. В. Черепнина, дань — самая ранняя форма эксплуатации восточнославянских общинников киевскими князьями. Постепенно дань эволюционировала в феодальную ренту. Важным этапом на данном пути являлись реформы княгини Ольги, заключавшиеся в нормировании повинностей, получавших регулярный характер, и устройстве погостов как постоянных центров сбора дани. Дань как

феодалную ренту Л. В. Черепнин обнаруживает на протяжении X—XII вв. [25, с. 155]. Идеи советского исследователя легли в основу теории государственного феодализма в Древней Руси как первоначальной формы феодальных отношений в восточнославянском регионе. Эта теория поддерживается и современными историками, ведущим представителем которых является М. Б. Свердлов. В то же время ряд исследователей, и прежде всего, И. Я. Фроянов, являются сторонниками «вотчинного» феодализма. Проблеме данничества современный петербургский историк посвятил особую монографию [23], в которой уделит внимание некоторым аспектам, которые ускользали из поля зрения советских исследователей. Так, он широко использует достижения антропологов, изучающих ритуальные, идеологические и религиозные стороны тех или иных явлений. В целом И. Я. Фроянов считает, что в функционировании института дани на протяжении всей истории Киевской Руси «внешняя суть данничества сохранялась во всей своей полноте». При этом ученый проводит прямые аналогии восточнославянской дани и позднейшего ясака. «Оружие было решающим средством, с чьей помощью навязывалась ясачная и данническая зависимость» [23, с. 495—496].

Необходимо согласиться с тем, что большое, если не основополагающее, значение для становления налоговой системы Древнерусского государства имело завоевание. Право завоевания сделало возможным наложение Олегом дани на древлян (883 г.), северян (884 г.), радимичей (885 г.). «Хазарский фактор» оказал определенное влияние на характер отношений Киева с вновь подчиненными племенными союзами. В том, что Олег наложил на покоренные племена ту же дань, что они платили ранее хазарам, или «дань лёгку», видят политическую гибкость князя. В то же время нельзя усматривать в отношениях между Киевом, с одной стороны, и древлянами, северянами и радимичами, с другой, «традиционную форму эксплуатации одной этнической общности другой» [23, с. 374]. Политическое объединение этнически близких «племен» способствовало их более стабильному развитию: обеспечение безопасности от внешних врагов брала на себя центральная власть. В существовании политической организации и в конечном итоге государства оказывалось заинтересованным само общество покоренных «племен». Причем, наряду с внешним фактором, некоторое значение имело и стремление племенной верхушки укрепить свою

власть над соплеменниками, используя рычаги центральной власти. Уже эти обстоятельства не позволяют всерьез воспринимать выдвинутую западным исследователем Ч. Тилли теорию, согласно которой государство появляется путем институализации рэкета. Действительно, деятельность князя Олега по обложению данью восточнославянских племен напоминает действия группы рэкетиров, устанавливающей свой контроль над новой территорией [2, с. 128]. Но сходство лишь внешнее: совершенно другие факторы приводили к появлению даннических отношений и получаемые средства требовались для поддержания институтов, жизненно необходимых для функционирования общества.

Итак, обложение Олегом данью подчиненных племен можно считать первым шагом на пути формирования налогово-даннической системы государства. Важно отметить, что в более ранней записи «Повести временных лет» отмечается, что обосновавшийся в Киеве Олег «устави дани словеномъ, кривичемъ и мери, и устави варягомъ дань даяти от Новагорода гривень 300 на лет, мира деля» [14, с. 14]. В данном сообщении еще смешиваются внутренние институты с установлениями внешнеполитического характера, причем они обозначаются одним термином. По мнению И. Я. Фроянова, в процитированном сообщении племена словен и их «союзников по межплеменному объединению» выступают в качестве адресата дани, именно они получали дань, как «победители, посадившие своего князя на киевский стол» [23, с. 371]. Но в деятельности представителей устанавливающей свою власть в Восточной Европе династии, опиравшейся на полиэтничную дружину, трудно увидеть отражение интересов «северной конфедерации племен». И в данном и особенно в следующем эпизоде об обложении данью восточнославянских племен речь, несомненно, идет о первых и наиболее важных шагах по созданию регулярного налогообложения, без которого было бы невозможным существование государственного аппарата. В рамках еще не развитого родоплеменного общества не существовало иных механизмов для создания системы налогообложения, кроме как наиболее простого и в то же время наиболее эффективного силового подчинения. Но содержание процесса подчинения и обложения данью восточнославянских племен уже выходило за рамки «эксплуатации одной этнической общностью другой». В то же время новая, государственная власть использовала и институты, выработанные в рамках родоплеменного общества.

Для раннего периода развития восточнославянского государства характерным была такая форма сбора дани, как полюдье. О существовании данного института свидетельствуют как источники местного происхождения, так и иностранные [19]. Наиболее подробно сам ход полюдья и, что чрезвычайно важно, последующая реализация собранных благ освещается в 9-й главе труда Константина Багрянородного «Об

управлении империей» [7, с. 51]. Чрезвычайно информативны и известия восточных авторов [11; 12]. Что любопытно, древнерусские письменные источники не дают целостной картины рассматриваемого явления.

Начало полюдья необходимо искать в тот период, когда разрозненные союзы племен начинали объединяться в значительные догосударственные образования («суперсоюзы-государства» по терминологии Б. А. Рыбакова) [15, с. 329], т. е. рубеж VIII—IX вв. При этом несомненно, что данный институт напрямую связан со становлением института вождя, затем верховной княжеской власти. Вождь, выполнявший в инте-

ресах всего общества определенные функции, в полной мере вознаграждался посредством даров, подношений членов этого общества. Эти дары носили сугубо добровольный характер и выступали в виде платы вождю за его «работу». По мере того как должность вождя становилась постоянной, постоянными становились и подношения. Племенной вождь (называемый в славянском регионе князем), власть которого становилась постоянной, использовал дары, уже освященные традицией, для поддержания формирующегося вокруг него постоянного контингента профессиональных воинов. С созданием суперсоюзов племен, т. е. с подчинением власти одного лица нескольких союзов племен, и появляется институт полюдья. Суперсоюз, по Рыбакову, включает в себя несколько союзов племен (он подробно рассматривает вятичский союз) [15, с. 258—284], которые, в свою очередь, делятся на первичные племена («неуловимые для нас») [15, с. 285]. Ведущий польский славист Х. Ловмянский считал, что все без исключения славяне имели двуступенчатую территориальную структуру, нижнюю ступень которой он называет малым племенем, а высшую — большим. Малые племена входили в состав больших, таких, как поляне или северяне [8, с. 97]. Итак, «большие племена» или «союзы племен» образовывали суперсоюзы, или союзы союзов племен: «здесь самостоятельно, изнутри, рождались отношения господства и подчинения, создавалась иерархия власти, установилась такая форма взимания дани, как полюдье, сопряженная с внешней торговлей, происходило накопление сокровищ» [15, с. 285—286]. Довольно обширная территория, включающая этнически близкие и не только (вспомним, что Рюрика призвали «русь, чудь, словени, и кривичи») [14, с. 13] племена, потребовала переездов правителя для сбора дани. В правосознании тогдашнего общества личное присутствие при осуществлении дара, видимо, оказывается чрезвычайно важным.

В исторических исследованиях существует два принципиально различных мнения о самом ходе полюдья. Рыбаков, отталкиваясь от данных Константина Багрянородного о «кружении» русских «архонтов» и перечня городов и племен, создает картину «большого полюдья», в ходе которого киевский князь поочередно посещал для сбора дани и производства судебных разбирательств ряд племенных объединений: древлян, дреговичей, кривичей и северян, обходя территорию радимичей, поскольку об их окончательном покорении летопись сообщает только под 984 г. [15, с. 316—325]. Но другие исследователи обращают внимание на то, что в самом тексте трактата византийского императора говорится о полюдьях (во множественном числе) русских «архонтов». Сам термин «архонт» применялся в тексте Константина не только по отношению к князьям Руси, но и к другим высшим должностным лицам. В упоминаемом «кружении» видят характерные для византийской государственной практики провинциальные объезды. Исходя из этого, полюдье представляется не последовательным объездом князем с его дружиной всех или нескольких племенных союзов, а разездом князя, членов его семьи и назначенных князем знатных служилых мужей по племенным княжениям. Пребывание названных лиц на подвластной территории представляло собой объезд обширных областей, возможно, по определенным маршрутам с остановкой в определенных поселениях-погостах. Полюдье было способом прямого административно-судебного управления племенными княжениями в условиях сохранения архаичных отношений предшествующей эпохи. В его ходе дружины князя и представителей династии кормились за счет местного

населения, этот корм являлся натуральным обеспечением служилых князю людей [17, с. 164—171]. Эти выводы подтверждают и данные древнерусских источников.

Полюдье возникло «как общественно необходимый и общественно полезный институт, обеспечивающий нормальное функционирование власти правителя (вождя, князя), а следовательно и социума в целом» [23, с. 468]. К этому можно добавить несколько штрихов относительно двоякой сущности дара (дарения), из которого и эволюционировал институт полюдья. Представляется, что И. Я. Фроянов излишнее значение придает сакральной, религиозной сущности полюдья. Глубинную суть

полюдья необходимо искать не в религиозном, ритуально-магическом его значении, когда «священный царь, обходя свои владения, уже своим присутствием, а также жертвоприношениями, различными магическими действиями и молитвами богам... сообщал плодородие земле, скоту и людям, вносил гармонию в общественное мироздание» [6, с. 140—141], а в том двойном значении, которое вкладывал в понятие дара тогдашний человек. А. Я. Гуревич рассмотрел восприятие дара в скандинавском раннефеодальном обществе, при этом он опирался на выводы, сделанные французским этнологом М. Моссом в его «Очерке о даре». Основное значение для наших рассуждений имеет то обстоятельство, что в представлении человека родоплеменного общества «на дар ждут ответа». Дар ценен не сам по себе, а благодаря тем отношениям, в которые вступает даритель и одариваемый. «Надобно в дружбе верным быть другу, одарять за подарки», — читаем в «Старшей Эдде» [18, с. 28]. Даривший, безусловно, ждал возмещения дара, более того, «в случае, если дарение не сопровождалось компенсацией, получивший его оказывался во власти давшего» [1, с. 234]. Как и жертвы богам, дар кому бы то ни было (в том числе и вождю) требовал соответствующей отдачи по принципу «do ut des», при этом компенсация предполагалась более существенной. Наблюдения А. Я. Гуревича, без сомнения, можно распространить на все варварские общества Европы [1, с. 231—232].

Варяжская династия, под властью которой со временем оказываются все восточнославянские племена, использовала институт полюдья, несомненно являющийся продуктом собственно славянского общественного развития, в своих целях. В новых условиях институт родоплеменного общества оказывается весьма эффективным для сплочения населения, которое он непосредственно затрагивал, формирования государственной структуры.

Исследователи отмечают, что институт полюдья являлся прямым предшественником ряда позднейших социально-политических и государственных институтов, как, например, кормление — предоставление доходов от собираемых с той или иной территории податей знатному лицу. Институт полюдья, характерный для потестарного государства, в то же время способствовал постепенному разрушению свойственных ему структур племенных княжений [17, с. 172].

Наиболее важной вехой в формировании налогово-даннической системы Древнерусского государства явились реформы княгини Ольги, осуществленные, если верить летописи, в 946—947 гг. Их реализация привела к отмиранию института полюдья как общегосударственного мероприятия. Основной смысл реформ Ольги состоял в «повсеместной фиксации правовых норм («уставы» и дани («уроки»)), которые отныне взимались... не во время наездов кормящейся дружины, а специальными представителями княжеской администрации» [13, с. 157]. Погосты — прежде места вре-

менных остановок князя и княжих мужей с дружинами во время полюдья — были реорганизованы в центры постоянного княжеского административно-судебного управления [17, с. 188]. Именно в погостах сосредоточивался сбор дани, при этом присутствие князя оказывается не обязательным, функции сбора дани и различных оброков, как и судебные функции, поручались специальным должностным лицам — тиунам. Считается, что погосты прекратили свое существование либо к концу X в. — их функции перешли к городам [13, с. 159], либо к XII в. — в связи с широким распространением княжеского и боярского землевладения [16, с. 64].

Функционально близки были погостам становища. Исследователи отмечают, что связанные друг с другом становища и ловища являются начальными формами «окняжения» дальних лесных краев, вслед за которыми возникали погосты. Ловища представляли собой княжеские территории, на которых останавливавшиеся в становищах княжие мужи и дружинники охотились и ловили рыбу [17, с. 191]. Под «уставами и уроками» Ольги обычно понимаются какие-то постановления, возможно письменные [20, с. 30]. «Урок» в древнерусском языке — это нечто «точно оговоренное», «точно установленное»; тем же термином именовались законодательные акты, связанные с судебным процессом, иногда — штраф в пользу князя [4, с. 241—242]. Вероятно, суть мероприятия Ольги по «установлению» «уроков» сводилась к определению конкретных сумм, взимавшихся с сельских общин в дополнение к уже существовавшим урокам от городов [17, с. 193]. «Устав» — это княжеский акт; в приложении к мероприятиям княгини Ольги под «уставами» понимают законодательные акты, которыми «могли бы руководствоваться при сборе дани и производстве суда представители власти на местах» [24, с. 149].

В целом преобразования Ольги способствовали росту значения государственных институтов в общественно-политической жизни Древней Руси, была создана устойчивая система налогообложения, которая смогла обеспечить стабильность государственной системы. В то же время серьезный удар был нанесен племенным институтам местных князей и народному вечевому самоуправлению [17, с. 193].

Таким образом, население Древнерусского государства оказалось охвачено наряду с данью-оброком целым рядом повинностей, что хорошо характеризует зрелую политическую структуру государства. Часть различных видов обложения населения с принятием в качестве государственной религии христианства (988—990 гг.) стала отходить духовенству — кругу лиц, осуществлявшему важную государственную функцию — защиту интересов государства перед лицом бога [21, с. 14]. Традиционно церкви выделялась десятая доля княжеских доходов. Предполагают, что связано это с древней практикой обеспечения языческих святилищ [26, с. 315—326]. В водной части уставной грамоты Святослава Ольговича 1136/1137 г. читаем: «Оустав бывъше преже нас в Руси от прадед и от дед наших имати пискупом десятину от дании и от вир и продаж, что входит в князь двор всего» [цит. по: 21, с. 16]. Показательно, что уже в XII в. духовные учреждения стремились добиться обмена своей доли в государственных доходах на земельные пожалования. Однако в Древней Руси к середине XII в. княжеская десятина в материальном обеспечении имела еще довольно значительный удельный вес по сравнению с Польшей или Чехией. В этом видят свидетельство более длительного сохранения на Руси системы централизованной эксплуатации, что связано в том числе и с замедленным форми-

рованием частного (в том числе и церковного) землевладения [21, с. 15—16, 20]. До полного торжества феодальных отношений (а о таком можно говорить только с XII в. и то с учетом древнерусской специфики) с развитым домениальным княжеским хозяйством и частным боярским землевладением именно государство в лице киевской династии выступало в качестве эксплуататора всего населения, обеспечивая его части привилегированное положение, а также верховного собственника земли.

1. Гуревич А. Я. Избранные труды. В 4 т. Т. I. М.; СПб., 1999.
2. Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.): Курс лекций. М., 1999.
3. Довженко В., Брайчевский М. О сложении феодализма в Древней Руси // Вопр. истории. 1950. № 8. С. 64—80.
4. Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда // Исторические записки. 1955. Вып. 76. С. 230—275.
5. Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. Т. I. М., 1989.
6. Кобищанов Ю. М. Полюдь и его трансформация при переходе от раннего к развитому феодальному государству // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 135—158.
7. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
8. Ловмянский Х. Основные черты родоплеменного и раннефеодального строя славян // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 4—16.
9. Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985.
10. Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1952.
11. Новосельцев А. П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX — первой половины X в. (полюдь) // Социально-экономическое развитие России. Сб. ст. к 100-летию со дня рождения Н. М. Дружинина. М., 1986. С. 23—26.
12. Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // А. П. Новосельцев и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 389—400.
13. Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. I. М., 2000. С. 13—401.
14. Повесть временных лет. СПб., 1996.
15. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1993.
16. Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.
17. Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003.
18. Старшая Эдда / Под ред. М. И. Стеблин-Каменского. М.; Л., 1963.
19. Темушев С. Н. Княжеская власть и полюдь // Вестн. БГУ. Сер. 3. 2001. № 1. С. 9—14.
20. Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955.
21. Флоря Б. Н. Отношения государства и церкви у восточных и западных славян (эпоха средневековья). М., 1992.
22. Фроянов И. Я. Киевская Русь: очерки отечественной историографии. Л., 1990.
23. Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI—X вв.). СПб., 1996.
24. Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда // А. П. Новосельцев и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
25. Черепнин Л. В. Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. // Новосельцев А. П., Пауто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 126—251.
26. Шапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти в древней Руси // А. П. Новосельцев и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 315—326.
27. Юшков С. В. Эволюция дани в феодальную ренту в Киевском государстве в X—XI веках // Историк-марксист. 1936. № 5. С. 135—138.